

Г.Н. ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ:
СУДЬБА И ТЕКСТЫ

Аннотация: Статья посвящена жизненному пути и мировоззрению дипломата и юриста-международника Г.Н. Гарина-Михайловского. Вводя в научный оборот ранее не использованные архивные материалы, автор полно раскрывает представления Гарина-Михайловского об историческом пути России, её месте на международной арене, прослеживает связь его размышлений с евразийством. Особое внимание автор уделил рассмотрению концепции Гарина-Михайловского об отношениях государства и общества в России.

Ключевые слова: Гарин-Михайловский, революция, эмиграция, Прага, Братислава.

Об авторе: Могилевский Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76; melikrat@gmail.com

Русская эмиграция всесторонне и глубоко изучается на протяжении почти ста лет, интерес к этой теме наблюдается как в нашей стране, так и среди учёных из зарубежных стран. Тема сколь актуальна, столь и необъятна. В ней всегда находится место открытиям, новым прочтениям и трактовкам. В предлагаемой статье речь пойдёт о жизненном пути и мировоззрении Георгия Николаевича Гарина-Михайловского (илл. 1). До последнего времени его жизнь была освещена фрагментарно благодаря опубликованным в 1993 г. 2-томным воспоминаниям Гарина о его службе в российском МИДе в 1914 – 1917 гг. и о первых годах эмиграции [10, 11]. В последнее время стали появляться статьи и об эмигрантском периоде [3].

Однако основная часть рукописного наследия Г.Н. Михайловского хранится в Государственном архиве РФ [1]. Его фонд включает не только материалы к его биографии, но и

интереснейшие воспоминания («За кулисами царской России», воспоминания о писателе Максиме Горьком), литературные произведения (пьесы, рассказы, стихотворения, «Потерянная и возвращенная Родина. Роман из жизни русской эмиграции»), а также научные труды (очерк «Краткий курс русской истории», статьи по международному праву, по истории русской культуры, курс лекций, прочитанный автором для слушателей Русского юридического факультета в Праге в 1922 – 1926 гг.). Из опубликованных источников необходимо отметить и его публицистические заметки, печатавшиеся в различных эмигрантских журналах. Совокупность упомянутых выше источников послужила основой при написании предлагаемой читателю статьи.

У истоков судьбы

Биография человека неотделима от мировоззрений – первая формирует вторые. Род Михайловских был старинный, польского происхождения, представители которого переселились на Украину. Они приняли православие и поступили на русскую военную службу. Дед нашего героя – генерал, помещик Херсонской губернии. Отец, Н.Г. Гарин-Михайловский, был самарским помещиком, знаменитым в конце XIX столетия писателем (илл.2). Вся Россия в 1890-х гг. зачитывалась его «Детством Тёмы» и публицистическими статьями из жизни русской пореформенной деревни. Писательство не являлось осиновым занятием Михайловского-старшего: он был инженер-путеец, востребованный и компетентный. Полжизни он провёл в разъездах по стране, проектируя новые дороги и контролируя их строительство. Во время одной из командировок, 13 апреля 1890 г. в г. Усть-Катав (по другим сведениям, в Усть-Каменогорске) Уральской губернии у него родился сын Георгий. Домашние звали нашего героя Гаря – именно в честь него отец взял себе литературный псевдоним Гарин-Михайловский.

Профессия инженера-путейца в 1890-х гг. в России была престижной и высоко оплачиваемой. Поэтому семья Гарина могла себе позволить жизнь почти роскошную, бок о бок с императорской семьёй. «Первые годы моего детства прошли в Царском селе, где тогда царская семья совершенно свободно гуляла в парке без всякой свиты. (...) В Царском селе мы жили полупомещичьей жизнью, снимали особняк, держали собственных лошадей из нашего имения в Самарской губернии», вспоминал позднее Георгий [1: д.32, л.4]. Как зажиточная дворянская семья, Михайловские каждое лето переселялись «на три месяца в Самарскую губернию или на Кавказ, или в Крым в имения наших теток, в зависимости от настроения» [1: д.32, л.5].

Как и полагалось «барчуку», Георгий Михайловский получил прекрасное среднее образование – в знаменитом Тенишевском училище Петербурга (илл. 3). Среди преподавателей этого уникального заведения были такие учёные, например, как М. В. Бернацкий (будущий министр финансов Временного правительства), видный историк А. С. Лаппо-Данилевский и другие. Однокашниками Гарина были О.Э. Мандельштам, на несколько лет позже учился В.В. Набоков, выдающийся лингвист, академик В.М. Жирмунский и другие. Высшее образование наш герой получил в Петербургском университете. В 1912 г. окончив юридический факультет с высшим отличием по всем предметам, и оставлен для подготовки к профессорскому званию по Кафедре международного права. В том же году Гарина направили за казённый счет за границу для написания магистерской диссертации. Он занимался в Париже в *Ecole de droit et l'école libre des sciences politiques sociales* и в Лондоне в библиотеке Британского музея. Предметом научного интереса стало морское право, которому Георгий собирался посвятить диссертационное исследование [1: д.2, л.1]. И быть бы Г.Н. Гарину учёным-правоведом, но Мировая война спутала все планы.

*Служба в Министерстве иностранных дел.
Оценка внешнеполитического курса России*

После объявления России германского ультиматума, Гарин решил немедленно вернуться на родину и идти добровольцем на войну, хотя ещё в 1911 г. по болезни его навсегда освободили от воинской службы [1: д.4, л.4]. В армию Гарина не взяли, но ему удалось поступить в Министерство иностранных дел. Этому помогли родственные связи. Дядя Георгия, Н.В. Чарыков, был сенатором, а до того – товарищем министра иностранных дел А.П. Извольского, с которым дружил со школьной скамьи. По ходатайству дяди Гарина приняли в Юрисконсультскую часть МИДа, где он последовательно занимал должности секретаря, начальника Международно-правового Отделения и, наконец, помощника директора правового департамента [1: д.2, л.1]. Гарина звали в МИД еще в 1913 г. на место секретаря той самой Юрисконсультской части с довольно высоким для такой должности VII чином Табели о рангах. Но тогда он отказался, мотивировав это желанием написать диссертацию [10:33]. Работа по специальности приносила ему удовольствие, а в силу своих обязанностей он всегда находился в курсе внешней и внутренней политики царского правительства.

Написанные уже в эмиграции по горячим следам «Записки» о работе в МИДе рисуют масштабную картину жизни российского внешнеполитического ведомства в годы Мировой войны. События политические, бытовые портреты коллег и начальства, яркие, порой пристрастные, но всегда аргументированные оценки тех или иных явлений получили освещение в «Записках» Гарина. Профессиональный юрист, прекрасно образованный, полиглот, знавший более десятка европейских языков [2:62], он редко в объёмных и подробных мемуарах даёт личную оценку описываемым событиям. Его голос слышен, скорее, в редких ремарках и тональности. И лишь оказавшись в эмиграции, наш герой

начал открыто рассуждать на тему внешней политики России и системы международных отношений в целом.

Как и многие русские интеллигенты начала XX в., Гарин главным врагом России на международной арене считал Германию и её союзников. Обвиняя правительство Вильгельма II в развязывании Мировой войны, он полагал, что её целью было исключительно утверждение германского превосходства в Европе. «Угроза балканским народам в 1914 г. пришла не с Востока, а с Запада, не от мусульманских вековых притеснителей, а от христианских германо-мадьярских империалистов, мечтавших о воссоздании Византийской империи со столицей в Берлине и наместничествами в Вене, Будапеште и Константинополе...» [7:6]. Война стал катастрофой для всей Европы, но только в России она привела к таким тяжёлым последствиям как «отпадение ряда, веками тяжёлых усилий приобретённых, территорий и «новую власть»». «Что выиграла Россия от злополучной войны?», – задаётся вопросом Гарин. И сам же отвечает: она была совершенно необходима, потому что её «можно признавать ошибкой только в том случае, если вообще считать ошибкой избавление Европы, а может быть и всего мира, от полувекового кошмара германской гегемонии» [4:30–31].

В отличие от германцев, ставивших во главу угла идею мирового господства («мирового рейха»), русские, наряду с их главными союзниками конца XIX в., французами, никогда не помышляли о таком. «Величайшая идея нашего времени – франко-русский союз – не правительств, а сердец и народов. Этот союз вытекает не из географических и политических каких-нибудь расчётов, а из философской сущности характеров обоих народов служить человечеству, не стремясь его поработить», – говорит один из героев романа Г.Н. Гарина-Михайловского «Потерянная и возвращённая родина» [1: д.16, л.126].

Анализируя внешнюю политику России в XIX столетии, большая часть которого прошла под знаком союза

Петербурга с Веной и Берлином, Гарин обвиняет в «неумеренном австрофильстве» Александра I и Николая I, и в «ещё более неумеренном германофильстве» Александра II [7:6]. Слепая и нёумная привязанность к Пруссии (превратившейся, при негласной поддержке России, в Германскую империю) и Австрии привела Россию сначала к Крымской катастрофе и позору Берлинского конгресса. Мирный договор фактически аннулировал победы русской армии в Турции в 1877 – 1878 гг. Анализируя итоги конгресса, Гарин находил благо в том, что Россию лишили плодов её победы. Он полагал, что «дипломатический розыгрыш русских военных подвигов явился уроком великого значения, заставившим постепенно изменить всю её международную политику – перейти от традиционной для XIX столетия дружбы России с Австро-Венгрией и Германией к вражде, сначала глухой и скрытной, а потом всё более и более явной, закончившейся наконец Мировой войной, возникшей опять-таки на Балканах, но уже не из-за турецких, а тевтонских хищнических и насильнических действий...» [7:6].

Берлинский конгресс открыл глаза русской дипломатии, заставил её оставить химеру союза с Германией и обратиться к важнейшей, с точки зрения Гарина, миссии: «После Берлинского конгресса «славянофильство» перестаёт быть философской сектой, идеологическим течением, а постепенно и незаметно становится боевой программой русской дипломатии, освобождение всего славянства в Европе заменяет предшествующую политику освобождения христианских балканских народов» [7:7]. Славянофильство в этом контексте нужно понимать буквально, то есть как «любовь к славянам», а не в контексте общественного спора 1840-х гг.¹ Гарин убеждён, что историческая миссия России состоит в борьбе за освобождение славянских государств. Она является единственно разумной

¹ Об эволюции этого общественно-политического понятия см. подробнее: Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986. С.5–56.

и перспективной внешнеполитической линией русского правительства.

Гарин был горячим сторонником идеи «нерасторжимости единства России и славянства» – именно поэтому Россия и вступила в Первую мировую войну, заступившись за Сербию, когда не вмешаться было невозможно. Он писал: «Да, я согласен, мы могли купить себе мир в 1914 г. ценою предательства Сербии и всего западного славянства и всех Балкан, поставив крест на вековых усилиях русского народа, но мы не могли бы сохранить за собою в этом случае ранга великой державы; мы могли бы спасти себя только став второстепенным государством и вассалом Германии...» [4:30]. Эту же мысль Гарин доказывал в лекциях по истории международного права: «Война (Первая мировая – *Н.М.*) и её причины крылись в Славянском вопросе: мечта о мировой гегемонии Германии должна была начаться с покорения Сербии и решительной победы над Славянской расой». [1: д.5, лл.126-127].

В 1927 г. появилась статья Гарина «Международная политика СССР (1917 – 1927)». Неприязненное отношение к Германии и явно выраженное славянофильство служили для него мерилami и в оценке внешнеполитической линии советского правительства. Критически разбирая «чичеринское десятилетие»², Гарин формулирует основные претензии: утрачены обширные территории, появился единый фронт «капиталистических стран» против СССР. «По собственному признанию, Советская Россия находится накануне войны чуть ли не со всем миром», злорадствовал Гарин, Германия не может считаться союзником, с остальными великими державами отношения откровенно плохие. Но главный упрёк заключался в другом. «Всеславянская миссия России вычеркнута из программы Советского Союза. Советская дипломатия добровольно отказалась от всех великих моральных завоеваний русского народа, при-

² Хотя формально Г.В. Чичерин стал наркомом по иностранным делам в мае 1918 г.

несшего свою кровь на дело освобождения славянских народов. 50 миллионов славян вне России для неё являются ... «капиталистическими государствами», входящими в состав «единого фронта против СССР»» [5:5].

Подводя итог внешней политики России XIX – начала XX вв. Гарин призывает: «Для будущего хотелось бы поменьше отвлечённых идеологических построений вроде идеалов Священного Союза..., а вдумчивого отношения к реальному конкретному международному положению России на западе и на востоке, в особенности же в Европе» [4:32]. Это и есть принципы так называемой *realpolitik*, т.е. нежелание использовать какую бы то ни было идеологию в качестве основы государственного курса. Сугубо практический и прагматический подход. Правда, сам же Гарин от него отступал. Рассуждая в курсе лекций о перспективах внешней политики России, он полагал, что раз «все славянские народы теперь свободны от чужеземного ига, старой системы в Австрии и германского гнёта в прежнем виде больше уже не существует», то для России «открылась бы возможность влияния на все славянские страны, и мы имели бы славянскую гегемонию о главе с Россией, перед которой была бы бессильна вся остальная Европа. Соглашение России со славянскими народами и явилось бы славянской гегемонией в Европе» [1: д.5, л.171]. Иначе говоря, «освобождение всего славянства есть самый верный и самый скорый путь к новой и счастливой жизни главного виновника освобождения – России» [7:8].

Как дипломат Гарин сформировался в эпоху борьбы ведущих мировых держав за колонии и рынки сбыта. Он воочию видел, к чему привела эта борьба в 1914 г. Можно ли назвать Гарина сторонником имперской политики? Ответ на этот вопрос не столь очевиден. Обратимся вновь к его лекциям по истории международного права. Он был уверен, что после падения правительства большевиков³,

³ Оно ещё казалось Гарину возможным в начале 1920-х гг., когда писался курс.

международное положение России будет «гораздо лучше, чем до войны, ибо теперь возможно соглашение со славянскими государствами и народами Востока, конечно, с изменением форм императорской колониальной политики» [1: д.5, лл.172–173]. Высказываясь против империализма во внешней политике, Гарин при этом однозначно называл отпадение национальных окраин от России в 1917–1918 гг. полномасштабной катастрофой: «Разве не ясно каждому, что отпавшие окраины являлись насущно необходимыми для исторического существования России, как мировой державы, и не по прихоти и капризу своих властителей русский народ жертвовал своей кровью и достоянием для их завладения?» [4:28].

Как можно определить внешнеполитические взгляды нашего героя? При некоторой их эклектичности, прослеживаются две доминанты: германофобия и славянофильство. Если в первом Гарин истинный сын своего века, то во втором – племянник своего дяди, Николая Чарыкова. Тот, успев послужить посланником в Софии, Белграде и послом в Константинополе, был горячим сторонником «славянофильского» внешнеполитического вектора. Нельзя говорить, что взгляды дяди племянник впитал полностью и слепо, но его влияние на Гарина, безусловно, исключать нельзя. Да и сама служба в российском МИДе в годы Мировой войны должна была убедить в справедливости его симпатий и антипатий в международных делах.

Можно ли назвать Гарина крупным дипломатом, серьёзным аналитиком международных отношений? Думается, что нет. Его взглядам не хватает масштабности и умения взвешивать *pro et contra* в исторической перспективе. Его рассуждения – это взгляд среднего звена дипломатического аппарата, выведенный не из чтения аналитических записок, а из самой практики повседневной и очень напряжённой работы. И, тем не менее, размышления Гарина о международных отношениях ценны и любопытны – прежде всего тем, что их автор был практиком, исполнителем,

а таким людям всегда лучше открываются плюсы и минусы принимаемых высшей властью решений. Их анализ и предложение альтернативных путей – вот основная суть высказываний нашего героя о международных отношениях.

Русская революция и участие в белом движении

Февральскую революцию 1917 г. Гарин встретил как давно ожидаемое событие: «Все желали смены Николая II и ждали её; с этой стороны начало Февральской революции было встречено со всеобщим удовлетворением» [10:248]. Сразу же после отречения императора, в марте 1917 г., юрисконсультская часть МИД была разукрупнена на два департамента: экономический и правовой. Наш герой был назначен начальником Международно-правового Отдела Правового Департамента, в должности которого служил при Временном правительстве [2:64]. Уместно задаться вопросом: каковы были политические предпочтения нашего героя в тот момент? Сочувствовал ли он либерально-республиканской кадетской партии, или ему были ближе умеренные социалисты – скажем, эсеры? В «Записках» нигде явно ответа на этот вопрос не содержится, хотя общая тональность выдаёт его симпатию к кадетам (при этом Михайловский их беспощадно критикует за профессиональные промахи). На допросе в СМЕРШе, спустя почти 30 лет, он скажет: «Рассматривая Россию как аграрную страну, я сочувствовал партии социалистов-революционеров, разделяя их идеи о крестьянском вопросе» [2:64]. В дальнейшем, правда, нигде больше о своих симпатиях эсерам Гарин ничего не напишет и не скажет.

Зато критически отзовётся о Временном правительстве: «Нерешительность Керенского и запоздалая рассудочность Милюкова, как это ни странно, отравляли все центры белого движения, так же как раньше они отравляли Временное правительство; «керенщина» и «милюковщина» так же характерны для всего белого движения, как и для Февральской революции...» [11:116]. Сталкиваясь с

непрофессионализмом и дилетантством многих сотрудников Временного правительства, Гарин был неприятно удивлён. Но только потом, в эмиграции, он не удержится и выскажет свои претензии всем революционерам за их непрофессионализм: «Нашему поколению досталась редкая честь видеть, как Ее Величество Революция ввела главного героя «Ревизора» и в Зимний дворец, и сделала его действительно фельдмаршалом и генералиссимусом.... Затем вы знаете, что за этим последовало, и чем кончилось дело... Театральным разъездом многих сотен тысяч русских людей за границу» [1: д.34, л.7]. Настоящий разгул «хлестаковщины», впрочем, был ещё впереди...

Октябрьский большевистский переворот Михайловский категорически не принял, как и многие его сослуживцы. Из всего дипломатического корпуса сотрудничать с советской властью в 1917 г. согласились два поверенных в делах: в Испании и в Португалии [2:76]. Дипломаты, как и любые другие «спецы», были нужны молодой советской власти на первых порах, поэтому Ленин и Троцкий сулили всевозможные блага, если те присягнут на верность новому правительству. Но вожди большевиков, за редким исключением, натолкнулись на глухое и согласованное сопротивление и даже саботаж. «Согласно распоряжениям и приказам органов советской власти все служащие государственных учреждений, в том числе и Министерства иностранных дел, должны были продолжать свою деятельность. Однако, будучи враждебно настроен установившемуся советскому строю, к работе я не приступил и явился одним из зачинщиков и организаторов контрреволюционного саботажа мероприятий молодой советской республики, который впоследствии охватил другие министерства и государственные учреждения страны», – признавался на допросе Гарин [2:64]. Более того, в «Записках» подробно описано, как за взятки он освободил из-под стражи членов «Комитета ОСМИДА»⁴ князя Урусова (за 10 000 рублей)

⁴ Общества служащих Министерства иностранных дел.

и Новомейского (за 5 000) [11:65-72]. Откровенную и горячую нелюбовь к большевистскому режиму Г.Н. Гарин-Михайловский сохранит навсегда, поплатившись в итоге своей жизнью.

Однозначное и категорическое неприятие большевизма несколько дисгармонизирует с симпатиями его отца, Н.Г. Гарина-Михайловского. Последний близко дружил с Горьким, охотно давал деньги на нужды партии и даже укрывал в своём имении «политических». Поэтому при советской власти его произведения издавались очень широко – их автор был «сочувствующим». Тем контрастнее отношение Георгия к большевикам, которые представлялись ему абсолютным разрушительным началом, почти мистический ужас от которого он выразил в лубке «Красноармеец» [1: д.13, л.79]:

И день оглоблей золотую
Меня ударил по башке,
И серп, и молот со звездою,
Всё – нынче в нашем кушаке
Казна без нас пустое вымя,
А комиссары – мелюзга,
Красноармеец – наше имя,
– Эй, ты! Посторонись, брюзга!
Ружьё да штык – вот наше знамя,
Кто кормит нас – тот Царь и Бог,
Кто против нас, тот будет с нами,
Мы скрутим всех в бараний рог.
Греми музыка боевая,
Пляши турецкий барабан,
Работой Русь, для нас нищая,
Мужик, как был, так есть – баран.

Гарин однозначно определял марксизм как антихристианство. «Только после личного знакомства с М. Горьким в 1912 г. мне стал понятным последующий фанатизм большевиков-безбожников. Русские большевики не являются атеистами-скептиками, а являются убежденными

антихристианами», – писал Гарин в интереснейших изданных воспоминаниях о Максиме Горьком [1: д.31, л.1]. В предисловии к словацкому изданию книги Д.С. Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник» Гарин заявлял: «А ведь вся наша современность в сущности сводится к вопросу – ЗА или ПРОТИВ (так в источнике – *Н.М.*) Христа? Социальный и национальный вопрос нашего века уже разрешены в христианстве. Только тот, кто явно или тайно отвергает христианство, только для того существует «социальные» и «национальные вопросы». Спустя 16 лет по окончании трилогии⁵ в России произошла революция, и в Кремле воцарились «Отступники»...» [1: д.42, л.2].

Гарин отвергал мысль, что русский народ мог принять большевистское правление, столь чуждое ему. Нежелание смириться с этим фактом привело к вполне логичному выводу, который, впрочем, разделяли многие эмигранты: «Нынешние ямщики, не в пример прежним, – ямщики наемные. Это известно всем. Все знают, как они стали ямщиками, и кто их нанял» [1: д.35, л.3 об.]. Гарин убежден, что легальными способами Ленин не смог бы прийти к власти, потому что «большевистская власть против исторических традиций России и всех остальных народов» [2:75]. В силу трагического стечения обстоятельств и образовавшегося вакуума власти большевики (энтузиасты и сектанты) смогли успешно покорить властный Олимп. Им противостояли люди совсем другого пошиба, идеалисты и философы, т.е. Временное правительство, а «при встрече энтузиастов с философами побеждают, увы, всегда первые... Исключение может быть только в том случае, если философ становится во главе энтузиастов...», – горько замечает Гарин [1: д.36, л.2].

Отказываясь признать тот факт, что большевизм мог быть порождением внутренним, мог завоевать популярность без сторонней помощи, Гарин однозначно заявлял: большевизм представляет собой результат внешнего вме-

⁵ Речь о трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист».

шательства. Причём оно было прекрасно спланированным и своевременно осуществлённым: «Германия имеет многовековой опыт управления славянскими народами. Она имеет и двухсотлетний опыт управления Россией в составе высшей русской бюрократии (от Бирона до Штюверма). Германия знает Россию и славян, как ни одна европейская страна, и с этим исчерпывающим знанием дела она выбрала для великой славянской державы, без которой славянство ничто, самый верный и самый сильный «яд». Она выбрала идеи и принципы, практического применения которых не выдержало бы самое культурное государство Запада, и выбрала людей, которые не повернут этого оружия против Германии» [1: д.35, л. 3 об.].

Если предположить, что большевики – германские шпионы, а не выразители чаяний определённых слоёв русского общества, то можно легко объяснить вселенскую катастрофу, которую Гарин воочию наблюдал в 1917 году – ведь не могли же жители России уверовать в утопические идеи Ленина! Как профессиональный дипломат и государственный, Гарин глубоко и остро переживал заключение Брестского мира в марте 1918 г. Десять лет спустя он доказывал, что это событие было закономерным звеном в общей цепи: «И большевикам весной 1917 г. не трудно было предсказывать заключение «похабного мира» с Германией. Для этого «похабного дела», собственно говоря, их и вызвали из заграницы в запломбированном вагоне...» [4:31]. Это не удивительно, заявлял Гарин, ведь у новых руководителей государства «вместо совести – инструкция германского генерального штаба, завернутая в Коммунистический манифест Маркса» [1: д.35, л.4].

Анализируя внешнеполитические шаги советской власти с профессиональной точки зрения юриста-международника и сотрудника МИДа, Гарин приходил к неутешительному выводу: «Нынешние ямщики гонят сломя голову «русскую тройку» уже не к неведомой цели, а прямо к своему хозяину на берегах реки Шпрее, к станции, имя

костей – «новая мировая война». Можно с ужасом думать, что произойдет, если этой «тройке» удастся «доскакать»!» [1: д.35, л.3 об.]. Ту же мысль об ответственности СССР в развязывании мировой войны Гарин отстаивал накануне её начала в статье в газете «Словак» «Возможен ли союз между демократией и большевизмом» [2:75].

В 1918 г. Михайловский уехал из бурлящего Петрограда, чтобы занять место ассистента при кафедре государственного права в Екатеринославском народном университете им. А.Л. Карсавина. Так наш герой ненадолго вернулся к научным занятиям. Деникинский министр С.Д. Сазонов приглашал Гарина к себе. Одновременно было получено предложение «поступить в дипломатическое ведомство при Скоропадском на должность советника украинской миссии в Яссах». Выбор был очевиден: «Я не верил в успех предприятия Скоропадского, считая, что у Деникина больше шансов на разгром большевиков, и это меня устраивало...» [2:77].

Служба в деникинском правительстве длилась недолго. Получив приглашение войти «в делегацию, предназначенную для поездки в Америку» Гарин согласился. Основные задачи этой делегации состояли в «популяризации» белого движения Деникина и даже установлении дипломатических отношений с США. Делегация выехала по железной дороге из Ростова-на-Дону в Новороссийск, оттуда морем продолжила свой путь. В Новороссийске Гарин заболел сыпным тифом, и делегация уехала без него. После выздоровления, в феврале 1920 г., из Новороссийска через Константинополь он отправился во Францию, чтобы присоединиться к делегации. Прибыв в Париж, Гарин узнал, что та распущена бароном Врангелем. Оказавшись без должности и денег, Гарин обратился к министру иностранных дел правительства Врангеля, П.Б. Струве, с просьбой назначить его «на любую должность в русскую дипломатическую миссию Врангеля в Константинополе», которая была удовлетворена. 20 мая 1920 г. Михайловский выехал

в Турцию, где был назначен юрисконсултом дипломатической миссии. В это должности он прослужил вплоть до разгрома войск Врангеля и их эвакуации из Крыма [2:71–73]. В декабре 1920 г. Михайловский отправился во Францию, твёрдо зная, что больше не займёт никаких постов в эмигрантских структурах, хотя ему и предлагали.

Сотрудничество с Деникиным и Врангелем вызвало у Гарина разочарование. Он честно служил им, но не в силу личных симпатий, а потому что горячо желал падения власти большевиков. Он писал: «... опыт саботажного движения и год в Петрограде под советской властью научили меня относиться скептически к успеху такого предприятия, каким было деникинское. Из разговора с Кутеповым⁶ я узнал, что деникинское движение поддерживается союзниками и что Россия с их помощью будет очищена от большевиков. Категорическая уверенность Кутепова в союзниках, которые, только что закончив войну с Германией и Австро-Венгрией, должны прийти в Россию, меня только расхолодила, так как показывала, что Деникин рассчитывает не на свои силы, а на союзников...» [2:77].

Крах старого мира был неизбежен, что Михайловский признал и никаких иллюзий не строил. «Это ощущение не оставляло меня во все время белого движения, вплоть до врангелевской эвакуации, когда солнце старой России, его последние лучи исчезли окончательно. И, увы, мне, столько раз испытывшему эти переходы, уже после первого года советской жизни было ясно, что не в человеческих силах остановить этот закат. Вот почему, несмотря на мое участие в белом движении и самое близкое соприкосновение с его главными действующими лицами, я никогда не мог проникнуться энтузиазмом» [11:115]. Тем более никакого энтузиазма Георгий Николаевич не мог испытывать, видя, во что превратилось белое движение в эмиграции: атмосфера постоянных интриг, сплетен и ничем неприкрытого эгоизма была ему глубоко противна. На предложение за-

⁶ Генерал Русской армии, ближайший сподвижник барона Врангеля.

нять какой-либо пост в эмигрантском антибольшевистском движении он отчеканил: «Я ... был с белым движением, пока она вело борьбу с большевиками в крови, но не собираюсь следовать за ним, когда кровь заменяется грязью» [11:676].

Преподавательская деятельность и осмысление русской истории

В октябре 1921 г. Михайловский переехал в Прагу. Столица Чехословацкой республики в ту пору стала едва ли не главным местом притяжения русских эмигрантов во многом благодаря позиции её руководства. Дело в том, что в том же году был создан Межминистерский комитет ЧСР, в задачу которого входило содействие прибывающим в страну русским беженцам. Так началась знаменитая «Русская вспомогательная акция». Президент республики Т. Масарик заявил, что его страна считает своим долгом «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил» в среде русских эмигрантов [8:17]. А в МИДе ЧСР заявляли, что главная цель помощи русским беженцам – «помощь будущему обновлению народного хозяйства России и поднятие её культуры» [15:22,26]. С 1921 г. по 1938 г. чехословацкое правительство выделяло существенные суммы для помощи русским беженцам, истратив 561 млн. крон [8:18]. Эта щедрость обуславливалась, помимо сочувствия русским беженцам, желанием Праги, при появлении «новой России, России без большевиков», иметь в лице бывших эмигрантов лояльных и открытых к сотрудничеству партнёров. Этим объясняется то повышенное внимание, которое чехословацкие власти уделяли вопросам образования и науки для русских беженцев.

Между президентом Масариком и другими сторонниками «Русской акции» К. Крамаржем, лидером партии национальных демократов, инициатором движения неославизма и А. Швеглой, лидером Аграрной партии Чехословакии, влиятельной в ту пору, шли споры о том, на

какой из лагерей русской эмиграции делать ставку. В конечном итоге возобладало предпочтение интеллигенции демократического и социалистического толка, которым были близки идеи Февральской революции, а монархисты, крайне правые и социал-демократы были признаны нежелательными элементами [8:17]. Выбор диктовался ещё и политическим расчётом. Не признав Советскую Россию *de jure*, это произойдёт только в 1934 г., власти ЧСР признали советское руководство *de facto*, наладив вполне прагматические и обоюдовыгодные торговые контакты. Ссориться с Москвой из-за эмигрантов в Праге не собирались.

Чехословацкое руководство в первую очередь было готово оказывать русской эмиграции помощь в получении образования и профессии. В 1920-е гг. высшее образование в Праге получили около 11 тыс. русских студентов. Это составляло почти половину всех эмигрантов, окончивших высшую школу за рубежом. При поддержке властей ЧСР в Праге начали работу три Русских института – юридический, педагогический и сельскохозяйственный, а также Русский народный университет для русских и чехов [8:19].

Кроме того, в 1922 г. в Праге был учреждён Русский юридический факультет, над которым почти сразу же взяло шефство старейшее учебное заведение страны – Карлов университет. Ставя себе задачу возобновить подготовку профессиональных юристов, чьи знания и умения должны будут пригодиться для будущей России без большевиков, руководство Русского юридического факультета привлекло к сотрудничеству всех тогдашних мэтров. Первым деканом факультета стал профессор П.И. Новгородцев, преподавали протоиерей С.Н. Булгаков, Г.В. Вернадский, А.А. Кизеветтер, Н.О. Лосский, академик П.Б. Струве, А.В. Флоровский и другие [13:84]. В их числе оказался и Г.Н. Гарин-Михайловский, получивший место приват-доцента кафедры международного права и читавший курс по международному праву.

Казалось, бывшему юрисконсультанту российского МИДа удалось вполне прилично устроиться. Он препода-

давал, занимался наукой, снял себе квартиру в Русском профессорском доме в Праге, в районе Бубенеч, где его соседями были Н.О. Лосский, А.Л. Беем, В.И. Вернадский [3:178]. В Праге Гарин-Михайловский оформил официально свои отношения с Анной Козыревой (урождённой Глебовой) (илл. 4), «дочерью потомственного дворянина», вдовой студента Военно-медицинской академии Павла Козырева [1: д.47, л.5]. Их брак был зарегистрирован 31 октября (13 ноября) 1921 г. в пражской церкви св. Николая [1: д.4, л.6]. Женитьба окажется удачной – супруги проживут счастливо более 20 лет, вплоть до ареста Гарина в 1945 г. В 1922 г. у них родился сын, которого называли в честь деда – Николаем. Он всю жизнь он будет преподавать химию в Братиславе.

Налаженный быт, профессиональная востребованность, удачная женитьба – эта счастливая картина дополнялась и творческим расцветом. Гарин активно участвовал в работе Общества русских писателей и журналистов в ЧСР и известного в Праге литературного кружка «Далиборка». Последний возник летом 1924 г., получив название по имени кофейни на Летнее, в которой первоначально собирались его члены. Основали его четверо живших в Праге русских писателей – С.К. Маковский, Д.Н. Крачковский, В.А. Амфитеатров-Кадашев и П.А. Кожевников, который «принял на себя и всё ведение кружка» [13:137]. Основатели «Далиборки» видели главной задачей кружка «создание в Праге литературного очага для общения между собой писателей, чтение оригинальных произведений, их критика и обсуждение» и привлечение к участию в нём пражской литературной молодёжи, сближение русских и чешских писателей [13:138]. Не желая замыкаться только среди своих членов, руководители «Далиборки» встречались по вторникам с коллегами из кружка «Скит поэтов», на вечерах, устраиваемых редакцией журнала «Воля России» [15:155].

В «Далиборке» атмосфера была демократичной и располагающей к обмену мнениями. «Воздействие кружка,

кроме советов, указаний и поправок, выражалось, главным образом, в том, чтобы помочь молодому автору найти самого себя и свой жанр». При этом «в свои литературные занятия «Далиборка» не вносила никакой политики или партийности» [13:138]. В аполитичном, очень молодом с точки зрения возраста его членов творческом кружке Гарин чувствовал себя раскрепощено. Хотя наряду с В.И. Немировичем-Данченко, Е.М Гаугом и другими в силу возраста входил в когорту «старших литераторов». Поэзия была любимым хобби нашего героя всю жизнь, начавшего писать стихи в ранней молодости. В столице Чехословакии Гарин писал охотно и много, осмысляя впечатления от новой родины [1: д.16, л.57].

Старинный пейзаж в причудливой оправе,
Запечатлённый сон средневековых грёз,
И бледно-алый свет, мерцающий во Волтаве
И тени облаков, как стаи внешних гроз.

Загадочна печаль забытых заблуждений,
Кровавых сцен борьбы, измены и побед,
И Фауст под плащом, бессмертный Праги гений,
Тиары римских пап повсюду вечный след.

Славянская здесь речь, Славянские напевы
И древний дух Славян, закованный в броню.
Барокко строгий стиль – богемской королевы
Прощальный поцелуй – есть сон подобный дню.

Литературный кружок оказался успешным начинанием, что признавали и современники: ««Далиборка» несомненно сыграла в эмигрантской литературной жизни ту роль, которую себе наметила, и достигла своей цели» [13:138]. Для Георгия Николаевича кружок стал ещё одной отдушиной, способом отвлечься от тревоживших его мыслей о судьбе родины и поисков причин случившейся катастрофы.

Масштабность этой катастрофы порождала многочисленные попытки её осмысления и объяснения. Они, в свою очередь, влекли прогнозы дальнейшего развития событий в глобально-исторической перспективе. «Почему всё произошло именно так? Что (или кто) привело к этому? Как жить теперь дальше?». Разнообразные политические и философские кружки и течения русской эмиграции стремились дать ответы на эти животрепещущие вопросы.

Оригинальный на них отвечали сторонники евразийства. Они выступали за построение «евразийского государства», на которое возлагались две основные задачи. Это организация жизни особого мира России – Евразии и духовная и экономическая эмансипация трудящихся. При этом «система мировоззрения и жизни» участников евразийства строилась исключительно на религиозной основе. Евразийцы признавали область религиозных убеждений «сферой безусловной свободы» [9:91]. В самом движении довольно скоро произошёл раскол и наметилось два течения – «левое» и «правое». Среди лидеров «правых», наряду с Н.Н. Алексеевым, П.Н. Савицким и Н.С. Трубецким, был К.А. Чхеидзе.

Константин Чхеидзе, выходец из старинного кавказского рода, служил в войсках Врангеля, эвакуировался в Софию, где познакомился с одним из создателей евразийства – Петром Савицким. В 1923 г. Чхеидзе перебрался в Прагу, где поступил на Русский юридический факультет. В 1924 г. он примкнул к евразийскому движению, вскоре став фактическим лидером Пражской евразийской группы [9:93]. Г.Н. Гарин-Михайловский знал Чхеидзе хорошо по юридическому факультету, Союзу писателей и журналистов ЧСР, в котором оба состояли, и «Далиборке» [15:155]. Нельзя сказать, что Г.Н. Гарин-Михайловский был безусловным сторонником евразийцев, но найти общие с ними мысли и идеологические конструкции в его публицистике вполне можно. Главный общий тезис заключался в том, что Россия имеет особое расположение, и в географическом, и в метафизическом пространствах.

Г.Н. Гарин-Михайловский доказывал: «Русское государство и русская культура являются итогом североευропейского – нормандского, южноевропейского – византийского и восточного – азиатского влияния. Равновесие этих трёх влияний становится основой расцвета русского государства, народа и культуры» [3:186]. Рассматривая Петра I как «трагическую личность русской истории» [3:186], Гарин напоминал: «В черновиках писем гениального германского философа Лейбница к не менее гениальному государственному практику Петру Великому есть следующая замечательная фраза, почему-то Лейбницем зачёркнутая и в самом письме не находящаяся: «Россия по своему географическому положению, находясь одновременно и в Европе, и в Азии, может для себя брать лучшее и из Европы, и из Азии». Мы не знаем, говорил ли Лейбниц об этом в устных разговорах с русским царём, поклонником Европы, который, однако, заимствуя из Европы просвещение, отбирал у неё земли, также, как впоследствии это делали его преемники Екатерина II и Александр I. Но нам здесь важна самая мысль. Трудно было более удачно формулировать международно-политическую культурно-государственную миссию России, чем это сделал Лейбниц» [1: д.34, л.2].

Для Гарина главная миссия, истинная и высшая цель России как государства – быть «мостом» между Западом и Востоком и, пользуясь выгодным положением, аккумулировать лучшие достижения. Главная трагедия русской истории, продолжал он, состоит именно в том, что ничего из этого не удалось. «Мы не только не исполнили его (Лейбница – *Н.М.*) заветов, но мы поступили как раз наоборот: Азию мы проигнорировали. Хотя, как раз там в области государственной философии имеется не мало в высшей степени положительного и поучительного. Из Европы брали без разбору, а о своей собственной богатейшей русской старине постарались позабыть» [1: д.34, л.3]. Бездумное копирование всего европейского привело к тому, что именно с Запада в Россию проник «вирус» марксиз-

ма, «когда вся Европа от него отвернулась». За это «сомнительное приобретение» пришлось заплатить «потерю всех наших земельных завоеваний в Европе, сделанных за последние 200 лет». «Сомневаюсь, – иронизирует Гарин, – что бы ценность этого философского заимствования равнялась ценности потерянных территорий, и скажу: еще одно подобное заимствование из Европы или из Азии, и мы будем вынуждены сказать *Finis Russiae*».

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 10298.
2. «... Будучи враждебно настроен установившемся Советскому строю...» (Из архивного следственного дела Г.Н. Гарина-Михайловского) / Отечественные архивы. 1997. №3. С.59–78.
3. *Гарбульова Л.* Жизнь русского дипломата Георгия Николаевича Гарина-Михайловского в Словакии / Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. Выпуск 2. М., 2008. С. 177–188.
4. *Гарин-Михайловский Г.* Спасение на крови (К десятилетию Мировой войны) / Своими путями. 1924. №1–2. С. 28–32.
5. *Гарин-Михайловский Г.Н.* Международная политика СССР (1917–1927) / Хозяин. 1927. №43–45 (164–166). С. 3–5.
6. *Гарин-Михайловский Г.Н.* Н.А. Некрасов (К 50-летию со дня смерти) / Хозяин. 1928. №1–2 (174–175). С. 2–5.
7. *Гарин-Михайловский Г.Н.* Сан-Стефанский мир (19-го февраля 1878 г.) / Хозяин. 1928. №9–10 (182–183). С. 5–8.
8. *Кишкин Л.С.* Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920–1930-е годы) / Славяноведение. 1995. №4. С. 17–26.
9. *Макаров В.Г., Репников А.В.* Хранитель «Фёдоровского очага». Князь Чхейдзе глазами чекистов / Родина. 2008. №11. С. 91–96.
10. *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: В 2 кн. – Кн. 1. М., 1993. 520 с.
11. *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: В 2 кн. – Кн. 2. М., 1993. 678 с.

12. *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М., 1994. 292 [2] с.

13. Русские в Праге. 1918–1928 гг. Прага, 1928. 343 [4] с.

14. *Савицкий И.П.* Прага и зарубежная Россия. Прага, 2002. 151 [4] с.

15. *Сератионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. 196 с.

16. *Талалай М.Г.* «Русская Братислава». Анна Николаевна Глебова-Михайловская / Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. Вып.1. М., 2005. С.381–387.

Илл. 1: Г.Н. Гарин-Михайловский

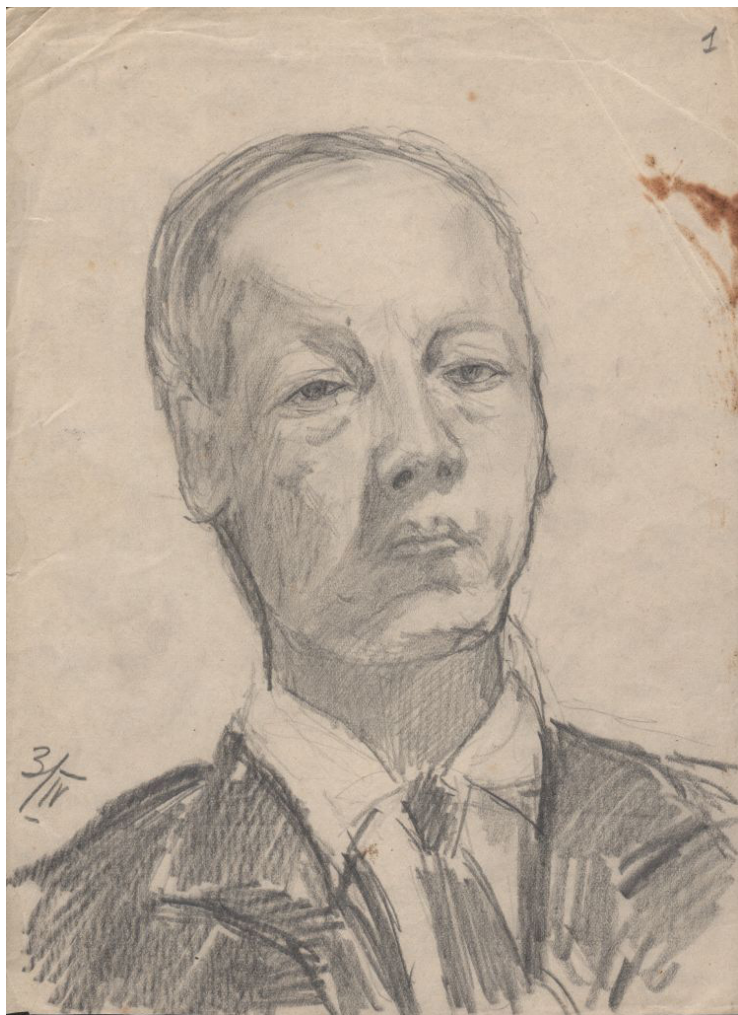
Илл. 2: Н.Г. Гарин-Михайловский

Илл. 3: Тенишевское училище

Илл. 4: Анна Глебова

Илл. 5: Г.Н. Гарин-Михайловский, рисунок его супруги